

УДК 800:378.001.76

Г. В. Котова

*доцент кафедры иностранных языков
Дальневосточного юридического института МВД России,
доцент*

О ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются механизмы перевода на русский язык немецких сложных существительных юридической направленности, в основе которых лежат структурно-семантические трансформации, направленные на сохранение параллелизма значения исходного слова. Возможное изменение семантической структуры немецкоязычных лексических единиц компенсируется применением понятийной экспликации, компрессии, конверсии и других способов перевода.

Как известно, специфическая особенность немецкого языка, среди прочего, состоит в присутствии в его языковой системе сложных существительных (композитивов), избыточное количество которых значительно преобладает в сравнении с другими частями речи. Вследствие этой особенности немецкоязычные тексты, в том числе юридической направленности, содержат такие существительные в значительном числе, поскольку подобные тексты построены на самой различной лексике, употребленной в ситуациях, которые становятся предметом юридического рассмотрения, что заставляет говорить о политематической направленности данного списка лексики. Это, в свою очередь, требует от читающих данные тексты владения в обязательном порядке техникой перевода, а также знания особенностей и правил структурного построения сложного существительного, роли и значения составных частей такого существительного в соответствии с их структурно-составным назначением.

Цель предлагаемой вниманию статьи состоит в том, чтобы наглядно показать ту специфику перевода достаточно большого массива сложных существительных немецкого языка, которая реализуется в рамках трансформационной парадигмы. Представленный в статье материал логическим образом строится на ряде основных концептуальных моментов, выступающих фундаментом для рассмотрения темы. Прежде всего, сюда относится само понимание переводческой трансформации, которую вслед за Л. К. Латышевым можно определить как некое отступление «от структуры семантического параллелизма... в пользу их (лексических единиц — Г. К.) равноценности в плане воздействия» [1, с. 35]. Другим условием концептуального характера является мотивированность предпринимаемых трансформаций, цель которых также состоит

в оправданном отходе от исходной структуры и в связи с этим одновременном минимализме таких оправданных отступлений, позволяющих тем не менее, элиминируя исходную структурно-языковую специфику, сохранить в приемлемой адекватной форме в системе языка перевода базовое значение, т. е. семантику, заключенную в переводимом слове. Большое значение в этом процессе имеет тот факт, что перевод совершается в рамках, присущих конкретному (текстовому) дискурсу, и именно это обстоятельство будет (наряду с усилиями переводящего) способствовать достижению максимально точного перевода, когда «...передача смысла в условиях контекста может оказаться исчерпывающей» [2, с. 156].

Наконец, принципиально важное значение в переводе немецких сложных существительных приобретает знание лингвокультурных реалий обоих языков (исходного языка и языка перевода), которое становится гарантом правильного понимания и затем нахождения верного эквивалента в языке перевода [3, с. 76], когда национальная реалема, выступающая маркером-доминантой культурного плана, адекватно передается в переводе в силу учета факторов, способных создать параллелизм значений в пределах целевого онтологического концепта (ср.: Stoßarbeiter, m — ударник). В этой связи не подлежит никакому сомнению, что восприятие чужого слова неизбежно будет отражаться «в зеркале... собственных этнокультурных норм... и здесь именно родная культура становится точкой отсчета» [4, с. 52], позволяя создать либо найти максимально приближенный или полный аналог этого слова.

Понятно, что сам вид трансформации, ее объем зависят от исходной семантической комбинаторики заключенного в слове понятия, имплицитно диктующего механизм адаптации, где, однако, все совершаемые структурно-семантические трансформации подчиняются одной стратегической задаче — нахождению адекватного аналога.

Не меньшая сложность рассмотрения проблемы заключается в безгранично широком словарном поле, представленном в юридическом дискурсе и объединяющем не только узкие термины, но и большой спектр лексики, включаемой в тексты юридического содержания ввиду широкого разнообразия обсуждаемой или рассматриваемой тематики. Здесь можно встретить такие слова, перевод которых должен быть известен априори (ср.: Eselbrücke — прием, облегчающий запоминание; Jungbrunnen, m — молодильный колодец; Starkasten, m = Radarfalle, f — ловушка-радар на дороге).

Отдельную группу составляют немецкие сложные существительные, при переводе которых используется прием компрессии, т.е. сжатие, в результате чего два исходных слова в составе композитного соединения переводятся на русский язык более емкой моделью в одно слово благодаря применению

соответствующего русского суффикса, обладающего именно таким качеством емкости (ср.: Prozesssucht, f — *сутяжничество*; Räumkette, f — *оцепление*; Gewalttäter, m — *насильник*; Gepäckträger, m — *носильщик*).

Перевод в своем семантическом наполнении большого числа существительных, хотя и подлежащих в переводе некоторой трансформации, все же достаточно четко мотивирован (например: Mussbestimmung, f — *обязательная к исполнению норма*; Sollvorschrift, f — *обязательное правовое предписание*). К этой группе тесно примыкают существительные, перевод которых уже требует некоторой рефлексии, «додумывания» (ср.: Promilgrenze, f — *предельное содержание алкоголя в крови, превышение которого наказуемо*; Quartalkündigung, f — *предупреждение об увольнении за три месяца*; Marktbeherrschung, f — *монопольное господство на рынке*; Rechtsschein, m — *документ, имеющий юридическую силу*) [5]. Ясно, что перевод подобных слов требует включения дополнительной лексики согласно нормам и узусу употребления таких словарных единиц в русском языке. В этом отношении серьезное внимание должно уделяться именно контексту употребления слова, поскольку семантизация «по смыслу» здесь будет наиболее продуктивна. При этом часто одна из составных частей композита указывает непосредственно на то, что в русскоязычном аналоге необходимо произвести соответствующие смыслу изменения. Ср.: Opiumgesetz, n — *закон о запрете распространения опиума*; Personenmehrheit, f — *участие нескольких ответчиков в процессе*; Platzgebrauch, m — *местный обычай*; Rechtsbeugung, f — *вынесение неправомерного приговора*; Rollenvertausch, m — *ошибка в квалификации деяния соучастников*; Schriftbild, n — *манера письма*; Schicksschuld, f — *бязательство пересылки долга к месту жительства кредитора*.

Перевод вышепредставленной группы слов отчетливо демонстрирует, что достижение семантического параллелизма возможно лишь при учете всей совокупности значений исходного слова, т. е. его денотативного и коннотативных значений, актуализирующихся в определенном контексте, но также и многозначности компонентных соединений (ср.: Marktpartei, f — *участник рыночной сделки*; Sammelversicherung, f — *коллективное страхование*). Как показывают примеры, именно учет точного значения слова гарантирует правильное нахождение соответствующего аналога, зачастую порожденного в результате оправданной замены.

В связи с данными выше констатациями логично указать на то, что иногда в поисках адекватного аналога немецкого композита целесообразно переводить такие слова, используя метод экспликации, который позволяет при помощи уточняющих элементов дать их наиболее точный перевод (ср.: Lärmapparat, m — *сигнальное устройство для передачи тревоги в охраняемых местах*).

Данный пример иллюстрирует, что исходное слово, несомненно, представляет собой лексическую единицу, наделенную своей спецификой употребления. Последнее положение подтверждается также рядом других примеров. Ср.: *Bereitschaftstasche*, f — *следственный чемодан (сумка)*; *Entziehungsanstalt*, f — *лечебное заведение для наркоманов/алкоголиков*; *Pflegetochter*, f — *приемная дочь*; *Sachgenosse*, m — *совладелец вещи*; *Nachweisbüro*, n — *посредническая контора* (ср. *Nachweis*, m — *доказательство*); *Polizeiaufgebot*, n — *отряд полиции*.

Следует, однако, отметить, что носителя русского языка некоторые сочетания в составе композитных соединений зачастую могут вводить в когнитивное заблуждение, что еще раз свидетельствует о том, что верный перевод таких существительных сопряжен с достаточно сложной, но вместе с тем мотивированной заменой одного из компонентов в содержательно-контекстной структуре всего композита. Это положение ярко иллюстрируют следующие примеры: *Rechtsbeugung*, f — *вынесение(!) неправомерного приговора*; *Sachfrüchte*, pl — *овеществленные доходы*; *Normenhäufung*, f — *конкуренция норм*; *Notopfer*, n — *пожертвование на помощь оказавшихся в бедственном положении*; *Sachwehr*, f — *реальная оборона*. Как показывают примеры, при языковой трансляции подобной группы слов настоятельно требуется включение в состав русскоязычного аналога пояснительно-уточняющих элементов, способных адекватно восполнить в полном объеме семантическую структуру исходной лексической единицы (например: *Notbetrug*, m — *мелкий обман*; *Notfrist*, f — *предельный срок*; *Schwundverlust*, m — *естественный убыток*; *Preistreiber*, m — *искусственно завышающий цены спекулянт*).

Подчеркнем, что в этой группе, как правило, присутствуют слова, понимание которых может быть ошибочным ввиду ряда причин, прежде всего, в силу языкового опыта, связанного с недостаточным или неполным объемом знания денотативного значения слов (ср.: *Weichtier*, n — *беспозвоночное животное*; *Strandrecht*, n — *право по регулированию терпящих бедствие судов у берега и использованию их грузов*).

Подавляющее число представленных в качестве иллюстрации слов, так или иначе, включает в свое семантическое поле компонент образности, который становится главным фактором, препятствующим в некоторой степени достижению верного перевода, ибо переводящему необходимо не только понять суть образа, лежащего в основе значения, но также найти соответствующий равнозначный аналог. Между тем практика подтверждает, что, несмотря на крайне широкую шкалу образности, преобладающая часть существительных может без особых усилий быть семантизирована адекватно заключенному в слове понятию именно вследствие возникновения идентично понимаемого мысленного образа, облегчающего нахождение переводного эквивалента.

Классическими примерами подобной группы слов являются, например, Rufmord, m — *злонамеренная клевета, дискредитация*; Mantelkind, n — *усыновленный (внебрачный) ребенок*; Nährvater, m — *приемный отец*; Mundraub, m — *кража небольшого количества съестного*. Рассматривая данные примеры, в императивном порядке необходимо настоятельно указать, что надежным критерием понимания, идентификации значения, несомненно, станет контекст, некоторая канализация употребления слова, однако, во избежание ошибок и возможной интерференции перевод таких слов все же целесообразно запоминать.

Вместе с этим, определяя денотативное значение составных компонентов сложного существительного и опираясь при этом на контекст и общий дискурс как событийно-актуализированную текстовую форму функционирования слова, следует обязательно учитывать возможное проявление полисемии и/или омонимии (ср.: Ordensgesetz, n — *закон о порядке награждения*, Ordensperson, f — *лицо, принадлежащее к религиозному органу*; Parteienstaat, m — *государство, где органы власти построены на основе партийного представительства*, Parteienverkehr, m — *взаимодействие сторон*). Попутно заметим, что классическим и неизбежным правилом перевода является при необходимости включение предлогов, реализующих валентность слов в языке перевода (например, Identifizierungsarbeit, f — *работа по идентификации*).

Отдельного рассмотрения требует перевод историзмов, где обязателен учет национально-культурного колорита, сохраняющего свою значимость при переводе (например, Vereinigungsgesetz, n — *закон об упорядочивании законодательства*; Feuertod, m — *казнь через сожжение*). В этом отношении особенно важно то, что, в сущности, большая часть терминов в определенной степени появилась в результате фиксации в языке каких-либо событий или явлений, отражавших в свое время конкретно-исторический факт национально-культурного формата, характерного для данного социума, что, в свою очередь, без знания или учета исторического контекста создает объективные трудности для перевода этих исторически маркированных слов.

Повторим, что в системе немецкого языка существует значительная по своему количеству группа слов, семантизация, сигнификативное понимание которых может породить ложные ассоциации, в силу чего во избежание ошибок перевод таких слов необходимо запоминать. Запоминание выступает здесь как наиболее оптимальный способ работы с данной словарной группой, т. к. при их переводе задействовано несколько трансформационных приемов одновременно, в том числе компрессия, экспликация, адаптивность, дескрипция. В число этих слов, помимо уже представленных примеров, входят и такие частотные существительные, как Ehrverlust, m — *лишение гражданских прав*; Zahlvaterschaft, f — *отцовство как основание для выплаты алиментов*;

Ehrabschneider, m — *клеветник*; Schluckware, f — *контрабанда, перевозимая внутрисполостным способом*; Regelbedarf, m — *помощь отца на содержание внебрачного ребенка*; Bankbruch, m — *(намеренное) банкротство банка и многие другие*.

В рамках отдельного замечания можно также особо указать, что существует некое (немалое) число сложных существительных, при переводе которых правомерно использовать конверсивный (обратный) способ (например, *Nemmschwelle, f — пороговый барьер; Reihenregreß, m — цепочка регрессивных исков* и др.). Предлагаемый прием перевода оправдан, если его применение позволяет достичь адекватности при передаче заключенного в слове понятия. При этом традиционный порядок последовательности меняет свой вектор перевода, чем гарантирует сохранение исходного смысла и создание транслята сообразно понятийным и словообразовательным нормам языка перевода. В сущности, данный вид перевода есть убедительный факт лингвокультурной адаптации, осуществляющейся через смысловое развертывание и понятийную экспликацию, которая обеспечивает компенсацию исходного значения путем реверсивных преобразований в процессе перевода лексики со сложной семантической констелляцией и разрешает достичь адекватности, позволяющей «отходить, не удаляясь» (В. Н. Комиссаров).

Таким образом, перевод немецких сложных существительных, образованных путем соединения двух (и более) существительных, представляет собой в определенной и мотивированной степени трансформированный продукт, приобретающий конкретный эквивалентный формат, который является результатом структурно-семантических преобразований, преследующих двуетапную цель — сохранить в адекватной мере национально-культурный колорит, часто имплицитный эмоционально-образный компонент, и одновременно с этим обозначить, закрепить в переводе все исходные денотатные характеристики исходного слова, т. е. создать лексическую единицу, появление которой мотивировано исходным значением оригинала и является результатом соразмерных преобразований, в том числе, как уже указывалось, посредством компрессии, оправданной замены или приращения значения, уравнивающего общий смысл, экспликации и других упомянутых средств. Критерием адекватности, помимо прочего, будет служить тот факт, что продукт указанных трансформаций должен гармонично существовать в самой системе языка перевода (ср.: *Heiratsschwinder, m — брачный аферист; Namensehe, f — фиктивный брак*).

Чрезвычайно важно отметить, что перечисленные здесь приемы перевода будут продуктивны и при семантизации других моделей сложных существительных, в состав которых могут входить в качестве определяющих

компонентов такие части речи, как прилагательные, причастия, союзы и т. д.; однако, обращение к этой теме требует ее отдельного и детального рассмотрения. Понятно также и то, что класс сложных существительных, отражая историческую жизнь общества, постоянно пополняется все новыми словарными единицами, фиксирующими новые явления, понятия и процессы во всех сферах жизни социума (ср.: *Gespenspieler*, n — *матч, проходящий без присутствия зрителей, когда на трибунах часто помещены фанерные щиты с изображением лиц людей*, дословно: *игра для призраков*).

В заключение вполне оправданно будет акцентировать внимание на том, что перевод немецких сложных существительных представленного типа, совершаясь, как правило, в рамках трансформационной парадигмы, всегда в той или иной мере имплицитно присущие ей преобразовательные приемы и техники, в основе которых лежат некоторое видоизменение и превращение, иначе говоря, соразмерные изменения структуры исходного слова на уровне языка перевода, в результате чего перевод немецких сложных существительных становится не просто максимально синонимичным переводимой лексической единице, но сможет передать в русскоязычном аналоге слова весь семантико-адекватный смысл в комплексе и целевое назначение немецкого композитного соединения.

1. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 3-е изд. стер. М. : Издательский центр «Академия», 2007. [Вернуться к статье](#)

2. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак. иностр. яз. : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк. 1983. [Вернуться к статье](#)

3. Котова Г. В. Обучение иностранному языку в неязыковом вузе через призму культуроцентричности // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе : материалы науч.-практ. конф. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. [Вернуться к статье](#)

4. Котова Г. В. Культурологические горизонты обучения иностранному языку в специальном вузе МВД // Функционирование языка для специальных целей в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск. Челябин. юрид. ин-т МВД России, 2007. [Вернуться к статье](#)

5. Немецко-русский юридический словарь. М. : Русский язык, 1985. 605 с. [Вернуться к статье](#)

G. V. Kotova

On the transformational nature of translation of German complex legal nouns

The translation of German legal composites is primarily aimed at preserving the semantics enclosed in them and at adequately transmitting the original meaning of the realities of a national, cultural and historical nature. Such kind of translation is carried out mainly with the use of transformations related to semantic expansion, compression, and conceptual explication. Transformations based on the application of linguistic and cultural adaptation techniques have sufficient potential to compensate for the original meanings that can be found in the German vocabulary of the mentioned sphere.